

Юлия
Резник

МАЛЕНЬКИЙ
разный
СЕКРЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Маленький грязный секрет

«Автор»

2026

Резник Ю.

Маленький грязный секрет / Ю. Резник — «Автор», 2026

– Что-то случилось? - всполошилась я, заходя в кабинет директора.– Я бы сказал, Мария Ивановна, что случилось ЧП. Пойми меня правильно, в нашей школе за сто лет ее работы такого еще не было, поэтому– Говорите как есть, Николай Степанович.– Тут показывать надо.Шевцов ткнул пальцем в монитор, щелкнул допотопной мышкой, выводя на экран отвратительного качества видео, на котором, впрочем, я сумела-таки различить наши с Покровским лица. Кровь зашумела в ушах. Я покачнулась. Нет, ничего пикантного злоумышленникам заснять, к счастью, не удалось, мы же секундной спустя задернули шторы, но Я учительница в маленькой сельской школе. А за моей спиной на этом самом видео запечатлен мой свекор. И, к сожалению, засняли нас вовсе не за уроками

© Резник Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	25
ГЛАВА 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Резник

Маленький грязный секрет

ГЛАВА 1

– Марьванна, это куда поставить?

Я вздрогнула, так и не привыкнув за восемь лет, что работаю учительницей, к этому анекдотическому Марьванна. Махнула рукой:

– Ой, Даш, да брось. Я сама приберусь.

– Мы поможем, нам нетрудно. И уйдем сразу, вы, наверное, устали. Столько людей пришло Игоря помянуть!

Я покосилась на дверной проем, из которого хорошо просматривалась гостиная. Конечно, многие к этому времени уже разошлись, но кое-кто из соседей и одноклассников моего покойного мужа еще остался. Одни разговаривали, сбившись в кучки, другие и впрямь помогали. Лиза Горева счищала объедки с тарелок в мусорное ведро, Алька Радова собирала стаканы и комки использованных бумажных салфеток, а Костик Измайлов, вытесненный девочками на край стола, разливал водку.

– Иван, тебе достаточно! – сквозь тихий бубнеж собравшихся прорезался недовольный голос новой пассии свекра. Я тихо вздохнула. Может, Покровский хоть ее послушается. Мои увещевания на этого мужчину совершенно не действовали. Вероятно, потому что я, понимая его желание забыться, была недостаточно твердой, в то время как Эмме твердости было не занимать.

Мазнув напоследок тоскливым взглядом по ее статной фигуре, я вернулась к своим делам:

– Это вот тут сложи. Загружу в посудомойку, когда домочет предыдущую партию.

А что? Кому-то в этом доме нужно было заняться домашними делами. Подруга свекра за такую неблагодарную работу браться не спешила, а его домработница нехоти слегла с давлением.

– Да, конечно. – Дашка приподнялась на носочки, сгружая стопку тарелок на барную стойку. – Может, еще что-то нужно сделать?

– Нет, Даш. Идите. Я и правда устала. Тоже к себе пойду.

Поминки мы справляли в большом доме, а я жила в примыкающем к нему гостевом флигеле, куда муж привел меня после свадьбы. Мы поженились с Игорем сразу после того, как он окончил институт. Денег на достойное по его меркам жилье у нас не было, так что пришлось соглашаться на флигель, как компромиссный вариант – жить в одном доме с Покровским-старшим мне показалось неправильным, и как бы Игорь не настаивал на своем, в итоге вышло по-моему.

Пока народ расходился, я прибиралась и забивала холодильник контейнерами с оставшейся после поминок едой. Помочь по хозяйству мне труда не составило. Гораздо сложнее было притворяться убитой горем вдовой. Нет, конечно, смерть Игоря и для меня стала трагедией, но глупо отрицать тот факт, что если бы я по-настоящему любила мужа, его уход, даже год спустя, переживался бы гораздо сложнее. Может, я бы даже начала пить, как свекор, а потом, как наш трудовик, дышала бы на детей перегаром...

Представив это, я истерично хмыкнула. Тут же зажмурилась, застыдившись своей истерики. Окинула кухню придирчивым взглядом и, не найдя больше причин оставаться, вышла через французское окно на веранду, а там уж до моего флигеля было рукой подать – по тропинке, через самый настоящий сосновый бор. Небольшой, но все же! До столицы каких-то

семьдесят километров, а у нас вон какая красота. Жаль съезжать. Но съезжать, как ни крути, надо. Пусть мы и живем каждый на своей территории, в деревне уже начались пересуды. Придумывали про нас со свекром... всякое. Вот и какой толк, что он баб как трусы меняет, если люди, один хрен, про нас языками чешут? А я учительница – такие сплетни мне ни к чему. К тому же я их до конца жизни наелась, еще когда ко мне Игорь стал клеиться.

Зайдя в свой домик, первым делом скинула надоевшие туфли и с удовольствием пошевелила пальцами на ногах. Прошла на кухню. На поминках мне на нервной почве кусок не лез в горло, да и теперь не хотелось есть, а вот чая, да, я бы выпила. Прямо в чашке заварил сбор, которым меня угостила местная травница. Обняла ладонями теплые керамические бока и с тоской уставилась на догорающее за рекой солнце. Вроде тепло еще было, всего-то пятнадцатое сентября, но в воздухе, будто напоминая, что мне не мешало бы поторопиться с переездом, густело предчувствие надвигающихся холодов. И так целый год прожила тут на птичьих правах, считай. Потому как... ну кто я Ивану Сергеевичу? Жена покойного сына? И все. Даже не мать его внуков. Не успели мы с Игорем, хотя как раз из-за желания иметь детей я и согласилась выйти замуж за этого мальчика.

Ох, как он меня добивался! Просто измором брал. Обещал всякое... То, о чем мечтает каждая сиротка – свой дом, любящую семью, достаток! И как он в свои юные годы понимал, на какие кнопки надо надавливать – не знаю. А началось все, когда сразу после института мне дали классное руководство в единственном на всю школу выпускном классе. Вот так «повезло»! И это я еще не знала, почему мне, совсем зеленой, так легко старшеклассников отдали. Да просто никто другой их не хотел брать: шепутные, наглые, шумные, самоуверенные донельзя, мнящие себя взрослыми, а на деле просто большие дети.

Думала, тот год никогда не закончится. Игорь мне с первого дня жизни не давал, подкапывал дерзко, свято уверенный в своей мужской привлекательности. Хотя – ну какой мужской, господи... Пацаном он был. Всерьез я его не воспринимала. И когда он демонстративно ушел с выпускного с какой-то девочкой, только вздохнула с облегчением, решив, что, наконец, от него избавилась. Но Игорь, как оказалось, сдаваться не собирался. И пять лет потом нет-нет да и вспоминал обо мне. Как будто бы уже особенно ни на что не надеясь, но и не сдаваясь. Пер четко по накатанной.

И наверное, даже закономерно, что однажды он подвернулся мне под горячую руку. Настроение было дерьмовое, тоска сжирала, ничего не клеилось, знакомые подружки постепенно выходили замуж, рожали детей, а я все одна, да одна. А единственный мужчина, который нравился, на меня не смотрел... И неудивительно. На что смотреть-то? Ни сиськи, ни письки, и жопа с кулачок. Так еще бабушка про меня говорила, посмеиваясь. Нет, были бы деньги лишние, с этим, наверное, можно было что-то сделать. Красивым нарядом, модным окрашиванием и макияжем. Но откуда деньги у молодой учительницы? Мне даже просто чтоб не помереть с голоду, нужно было еще и репетиторством подрабатывать. Старый газовый котел в бабулином покосившемся домике сжирал в холода едва ли не ползарплаты. А еще ведь за электричество нужно было платить и интернет, без которого я в своей работе обойтись не могла никак.

В один из таких дней Игорь и подвернулся. Просто встретились посреди улицы, он поздоровался и пошел за мной. Страшно отчего-то стало. Может, от взгляда его невменяемого. Я забежала в дом, хотела захлопнуть дверь у него перед носом, да только Игорь оказался сильнее. Зашел вслед за мной, прижал к промерзшей стенке в сенях.

– Ну что опять? Долго ты еще от меня будешь бегать? Что не так, а? – встряхнул, аж зубы клацнули. Сейчас я думаю, что никакой великой любви там не было, просто, разбалованный отцом, он привык получать все, что хочется, а я не давалась. – Я же все для тебя. Хочешь? Что там? Цветы? Шампанское? Ты о чем мечтаешь, а, Марь Ванна?

Смешно, но и сам Игорь, и его друзья-одноклассники звали меня по имени-отчеству.

– Отпусти, Игорь! Поставь меня...

К двадцати трем Игорь возмужал, так что я болталась в его руках, не касаясь ногами пола.

– У тебя же даже никого нет! Ну ладно, был бы. Я бы понял – любовь – то, се... Слушай, а может, ты вообще лесбиянка?

От возмущения я сделала то, что ни одна учительница, даже бывшая, не должна делать – отвесила этому оборзевшему олуху звонкую оплеуху. А он в ответ... нет, не ударил, но так рванул мой старенький пуховичок, что тот затрещал по швам, и на губы набросился, там, у стенки. Как-то извернулся. Содрал курточку, свитер. Хотя я отбивалась, кричала, глупая:

– Ты что творишь? Ты хоть понимаешь, что ты творишь?!

Он оторвался от моей шеи, где уже наверняка наделал кучу засосов, и, уставившись на меня мутными от похоти глазами, заметил хрипло:

– А ты соглашайся, Марь Ванна. И все хорошо будет. Соглашайся, а?

И я согласилась. Потому что, господи, мне было двадцать восемь! А я все еще оставалась девственницей – кому скажи. Видно, от жуткого волнения у меня поднялась температура. Но это я поняла лишь потом... И даже порадовалась, что в общем-то не запомнила толком свой первый раз. Все как не со мной произошло. Игорь оттеснил меня к старенькому дивану, по дороге раздел. Руки у него тряслись от эмоций, и почему-то это меня до предела тронуло. Так тронуло, что я окончательно махнула рукой на происходящее, дескать, пусть. Игорь сразу же улегся между моих тощих бедер и без всяких церемоний в виде предварительных ласк, без подготовки, по сухому почти толкнулся. Почему-то я думала, что лишение девственности в моем возрасте не может причинить сильной боли. Но больно было очень!

– Ты чего, Марь Ванна? – недоверчиво спросил Игорь. – Я первый у тебя, что ли?

Отвечать было стыдно. И снова мелькнула мысль – зря я это все. Стыдоба! Кажется, я даже взбрыкнуть попыталась. А Игорь... Черт его знает, то ли правда не понял, то ли все равно ему было на мои возражения.

– Ничего-ничего, сейчас будет легче.

Меткий плевок между ног, влага, от которой легче не стало... Помню ползущий по ногам холод, жалобное поскрипывание дивана, стоны Игоря, свою боль. А потом на животе горячее. И как он сыто хохотнул мне в ухо: – Теперь я, как честный человек, обязан жениться.

– Я детей хочу, а ты еще сам ребенок.

– А если скажу, что будут дети? Пойдешь за меня? – сощурился и деловито встал, поправляя одежду, которую даже не попытался снять. Я же молчала, тупо разглядывая мутную лужицу на животе. А со стены на меня осуждающе косились старинные, кажется, еще прабабкины образа...

– Зачем тебе это?

– Люблю тебя, – буркнул Игорь, набычившись. – Так что? Только представь, как со мной заживешь, я ж парень небедный, ты в курсе. Ну? Пойдешь за меня? Все равно ведь не отстану!

И я представила жизнь сытую, красивую: дом, семью. И, в общем, все, что нас бы ждало потом, не убейся Игорек на своем мотоцикле...

– Пойду.

Он так обрадовался, что тут же принялся скреплять наш союз очередным раундом секса. Потом была спешная свадьба, на которой все на мой живот пялились, прикидывая срок. И были шепотки – болтали всякое. Что мы с Игорьком еще со школы путаемся. Что я его совратила, да... Но в открытую, конечно, никто и слова мне не сказал. Боялись Покровского.

Понимала ли я, что мои мотивы и та легкость, с которой я согласилась на все, были нездоровы? О, да! Я шла на это вполне осознанно. Смирившись с тем, что такова моя плата за привилегию быть как все. Подумаешь. Невелико дело.

Пока я копалась в прошлом, чашка в руках остыла, и ночь прильнула к окну. Вылив в раковину остатки чая, я вышла на улицу за дровами. Хотелось тепла. Если не человеческого, то хотя бы тепла камина. Год одна... Когда уже узнала, как это – быть с мужчиной. Пусть даже

без особого фейерверка, но все равно. Оно ведь проснулось и теперь регулярно напоминало о себе странным томлением. Чаще, конечно, ночью, но бывало, заставляло совершенно врасплах и днем. Эх, Игорь! Столько мне всего наобещал и ушел.

Сделав глубокий вдох, я потянулась к сложенным под стеночкой дровам. Неожиданно со стороны дома послышались крики. Я все бросила, чуть не отбив ногу в веселеньком летнем сланце, и побежала. Успела поймать мигнувшие в распахнутой пасти ворот огни фар. Остановилась, прижав ладонь к колотящемуся сердцу.

– Напугали тебя, девочка? Да ты не волнуйся, что ты... Иди...

Я обернулась. Покровский стоял, подперев спиной стену, и держался за сердце.

– Вам плохо? – поспешила к нему, потому что куда я уйду, раз уж кроме меня желающих ему помочь нет. – Сердце? Вызвать скорую?

– Думаешь, у меня инфаркт?

– Откуда мне знать? – возмутилась я, подныривая под его руку.

– Перестань. Мне, по-твоему, что, сто лет?

– Не сто! Но год был нервным, вы переживаете, еще и... пьете! – не смогла удержаться от упрека, окидывая взглядом бардак на столе. Сколько я отсутствовала? Сколько он выпил? Понятия не имею. Спросить Эмму? Так она улетела, будто в нее бес вселился. Интересно, из-за чего они поругались? Наверное, как раз таки из-за пьянок. Она же не знает, что он и не алкоголик вовсе. А вот себе цену... да. Ей такое терпеть зачем? Ну не ради же агрофермы, ей богу. Такие, как Эмма, себе и побогаче найдут. Неотягощенных каким-то серьезным анамнезом в виде крепкой мужской депрессии и регулярных срывов.

– Ладно, не ворчи, – огрызнулся Иван Сергеевич.

– Я не ворчу.

– А что делаешь?

– Помогаю. Вы постоите секунду. Я сейчас, мигом, только покрывало с кровати уберу...

– Покровский упал как подкошенный на неразобранную постель и, фыркнув, как огромный морж, засопел. – Ну... можно и так. Наверное... – буркнула я, с сомнением окинув взглядом кровать.

ГЛАВА 2

А потом я распахнула окно в надежде, что так свекор быстрее протрезвеет. И принялась стаскивать с Покровского обувь, благо он, как и я, выскочил в одних тапках. Причем разного цвета. В темно-синем я узнала сланец Игоря. Покрутила в руках. Разревелась. Посидела так, носом хлюпая, и в кухню пошла, чтобы и себе налить. Так, немножко, на дне бокала. Чтобы не до поросячьего визга, а лишь отогнать тоску. Эгоистичную, уже не по мужу даже. А по себе и своим мечтам несбывшимся. Выпила махом, как водку. Посидела, пялясь в темноту, но даже это, как и все в моей жизни, не продлилось долго – зажглась подсветка. Помню, как меня это изумляло поначалу. Нет, дикой я не была, знала, что в современных домах теперь только так и делают. Просто все эти приبلуды для богатых совершенно не вязались с моей жизнью.

Но ничего-ничего. Скоро все вернется на круги своя. Я уже практически с этим смирилась. Дала объявление, дескать, сниму небольшой дом или флигель. Тот, что мне остался от бабушки, я продала под давлением Игоря. Он убеждал, и правильно, конечно, что без хозяина дом зиму не выстоит, а сдать такую рухлядь было невозможно. Вот с концами продать – это да, совсем другое дело. Места у нас были хорошие. Земля стоила дорого, и желающие прикупить лишних соток находились всегда. Так что деньги у меня были. Лежали нетронутыми на депозите. Вероятно, их бы даже хватило на первоначальный взнос по ипотеке. Но я пока не чувствовала в себе сил ввязываться в долги. Года не хватило, чтобы обрести самостоятельность, утраченную с замужеством. Чтобы платить кредит, нужно было снова браться за репетиторство, которое я с успехом забросила. А я все тянула с набором учеников, потому что и так уставала как пес в своей школе...

В этом месте я вспомнила, что вообще-то не просто так в доме свекра сидела. Нашла аптечку, достала из холодильника минералку. С похмелья еще рассол хорошо помогал, если не спутать его с маринадом, но рассола у Ивана Сергеевича как раз таки и не нашлось. Поставив все это дело на поднос, я вернулась в хозяйскую спальню. Опустила ношу на прикроватную тумбочку и, подумав – то ли окно закрыть, то ли накрыть свекра одеялом, остановилась все-таки на последнем.

Поскольку я понятия не имела, что и где здесь лежит, открыла наугад сначала ящик комода, ничего в нем не нашла, и потом только вспомнила о примыкающей к спальне гардеробной. Одеяло – большое и толстое, несмотря на легкость, нашлось на самой верхней полке. Чтобы достать, пришлось даже раскладывать стремянку, оставленную здесь же на такой случай. И что-то я не так, видно, сделала, лестница качнулась, и я, лишь чудом успев с нее соскочить, не грохнулась на пол. Чертыхаясь под нос, вернулась в комнату. Подошла к кровати. Иван Сергеевич лежал навзничь, раскинув руки. Хлопок рубашки натянулся на его огромных даже в расслабленном положении мышцах, и наверняка доставлял дискомфорт. Раздеть свекра я бы ни в жисть не смогла. Да просто тупо не подняла бы, а вот пуговички расстегнуть – можно было попробовать. Я наклонилась. В свете ночника лицо Покровского выглядело совсем черным. От горя? Да. Это у меня муж умер, а у него – единственный сын! Но еще и от того, что он с начала посевной по полям мотался, а сейчас уже уборочная заканчивалась. Я протянула руку и чуть не закричала, наткнувшись на его нездешний внимательный взгляд. Замерла, как мышь под веником, и тупо смотрела, как свекор заносит руку, обхватывает мою шею и... затаскивает на себя.

– Зачем снишься? – заплетающийся язык намекал на то, что Иван Сергеевич не только не протрезвел за то недолгое время, что ему удалось поспать, но как будто захмелел еще больше. Я испуганно завозилась. Привстала, отжавшись от рук. Кто же знал, что он сразу найдет применение такой позе и проведет вверх от живота к груди, волнуя, заставляя рот пересохнуть. – Зачем? – рыкнул. – Красивая такая... Ладная. Как куколка. Ну снись-снись... Сама виновата.

Я не поняла, правда... Не поняла, в какой момент его жесткие губы сжались вокруг груди. Именно груди. Потому что я почти плоская. И то, что он делал... Немыслимо, абсолютно скандально и одновременно с тем желанно почти до смерти.

– Нет, что вы делаете! Ива-а-ан Сергеевич!

И вроде же я отталкивать его должна, выдвигая все эти требования. А руки почему-то не слушались, а руки его, наоборот, притягивали. Еще сильнее. До легкой боли, которая делала все происходящее как будто реальнее.

Да нет же! Этого просто не могло быть. Он же никогда ко мне ничего такого...

– Ведьма! – утонуло в звуке рвущейся на груди ткани. – Приворожила, да? День и ночь стоишь перед глазами, с умаводишь. Су-у-ука.

Это я, наверное, сука, да? Это он меня оскорбляет? Ну а кого ж еще, если никого другого тут нет! И мне бы пощечину ему дать... Ладно, хотя бы просто оттолкнуть, что с него взять – с пьяного?! Оттолкнуть и убежать к себе обиду зализывать. Так было бы точно правильнее поступить в этой ситуации, а не ерзать на нем без стыда и совести. Тем более что я уже давно его из головы выбросила, и не думала никогда, не мечтала о... О-о-о.

– Нет, нет, что вы делаете?!

Он покусывал меня, лизал, нюхал... И все так шумно, так натуралистично, что я лишилась последней воли. Понимая, что вряд ли выберусь целой из его лап, и позволяя себе. Опозориться, упасть ниже плинтуса... Да. Но получить хоть разочек, хоть капельку того запретного, что никогда не будет моим. Потому что протрезвеет. Может, даже не вспомнит. И даже если вспомнит, то что? В лучшем случае пожалеет, а в худшем... Об этом мне думать не хотелось. А вот его ощутить в себе – очень. Единственное, что меня еще хоть как-то останавливало, была мысль о том, что сегодня у Игоря годовщина. Но даже осознание этого отошло на второй план, когда цифры на электронных часах обнулились.

Покровский-старший опрокинул меня на простыни и потянул вниз штаны. Меня трясло от холода, проникающего в окно. Мурашки скользили лапками, сметая с меня налет всякой цивилизованности. Верх брало животное. Мы были животными. Люди так вряд ли бы поступили, или я была к нам слишком строга?

Два сложенных вместе пальца безошибочно нашли вход в тело. Зубы прихватили кожу на груди. Мы даже не целовались, что было и к лучшему, учитывая перегар и прочие «прелести» похмелья. Так я себя убеждала, да... А сама хотела... Боже, как я хотела его поцелуев! Но, не решаясь проявить инициативу, я отрывалась, облизывая ухо свекра и покусывая вздувшиеся жилы на его бычьей шее. Пока Покровский не отстранился. Совсем... Сел на пятки между моих расставленных ног. Тряхнул головой очумело и прямо туда уставился. Даже интересно стало, что он там видел в таком расфокусе. Впрочем, я, похоже, очень недооценивала этого мужчину. Когда Иван захотел снова меня коснуться, цель нашел безошибочно. Провел по губам, собирая влагу... Размазал по напряженному клитору.

– Еще красивей, чем я думал, – не постеснялся мне сообщить. И мне плевать было, да... На то, как это звучало. Сейчас плевать, да. Я не собиралась его останавливать. Пусть говорит. Пусть делает все что хочет... Даже осознавая то, что потом вина сожрет меня полностью, прямо сейчас я облизалась, приподнялась, разводя ноги еще чуточку шире. И зажмурилась в ужасе. Но не от того, что он со мной делает. А от того, что ему не понравится. Я ведь догадывалась, что Игорь не слишком был мною доволен в постели, хоть я и старалась ему угодить, с ним мне не то что не хотелось быть такой вот раскованной... Мне это даже в голову не приходило. А с его отцом как будто только так и надо. Все-таки дело в любви? Но я же забыла его! Давно забыла. И не думала даже, и не мечтала. Получается, что врала? Самой себе... Маша-Маша. Как лягушка перед ним раскорячилась, а он... он же просто пьяный! И с любовницей разосрался, дело ведь вообще не в тебе. Ты хоть на голову встань. Наверное...

А если нет? Если я и впрямь ему снилась?

Пока я металась, не зная, как поступить дальше, Покровский дернул пряжку на брюках и, чертыхаясь, стащил их с задницы. Несло от него и правда. Перегаром, взрослым чистоплотным мужиком... Мне нравилось. Я потянулась к его плоти. Обняла пальцами. Член свекра висел тряпочкой. Стресс, выпитое, возраст... Ему сколько? Если мне тридцатник, Игорю сейчас было бы двадцать пять. Учитывая, что он очень ранний ребенок... Сорок три? Сорок четыре? Не помню.

– Я сейчас. Сейчас.

Боже, эти мужики – такие мужики. Даже теперь, в дрезину пьяный, он переживал по поводу своей отсутствующей эрекции. Я же изо всех сил сдерживала истерический смех. Потому что он мог бы воспринять его на свой счет! Тогда как я над собой смеялась. Над жизнью своей собачьей. Ну это ведь только мне могло так «повезти» – наконец, добраться до мужика, о котором я столько лет мечтала... В тяжелейших обстоятельствах, смешивающих с грязью память о его сыне, да и меня саму... В омут с головой броситься ради того, что закончится... просто ничем. Или нет? На грани истерики я смотрела, как Иван опускался вниз. Трясло. Я цеплялась пальцами за отсыревшее покрывало. Мы так его и не сняли... Влажные от его слюны соски холодил проникающий в окно ветерок. Казалось, я бы кончила, если бы он дунул чуть по сильнее.

– Ведьма! Красивая. Сладкая.

Игорь тоже пытался ласкать меня ртом. Я только так с ним и кончала – поэтому. Но то, что делал его отец... Это было совсем другое. Кажется, вообще несовместимое с жизнью. Выносящее меня за предел, несмотря даже на то, что Покровский, будучи пьяным, просто преступно рвал ритм. И я то скулила от разочарования дворнягой, то, поднимаясь на очередной пик, захлебывалась от восторга. Пока не упала. С неба. На землю. Пока не разлетелась на миллиарды частиц. Находясь здесь и одновременно еще где-то, как наглядная демонстрация принципа суперпозиции. И было мне и там и тут хорошо просто до дрожи. Но я знала, что это ненадолго. Расплата придет совсем скоро, и станет плохо. Это «плохо» было уже так близко, что я затылком ощущала его присутствие.

Я перевернулась на бок и сжалась, лежа чуть выше вырубившегося, едва я кончила, свекра. Нет. К черту. Теперь я не могла называть его так даже про себя. Игорь погиб, а это... какое-то безумие. За которое с меня непременно спросят. Потому что... стыд и срам! Че делается, люди добрые?! Я могла выстроить в голове все до одной претензии, которые мне в связи с этим могли быть предъявлены. Воспроизвести в памяти все когда-либо слышимые голоса: гнусавый – директорский, звонкий – мамыши из родительского комитета, зычный – Ивановой домработницы, а тот, что самый низкий – нашего местного батюшки. И все они стыдили бы нас, но так ли мне стыдно на самом деле? Разве это я к нему пришла? Нет, ну, то есть да... Но! Я хотела просто позаботиться о нем, проявив человеческое участие. Никаких скрытых целей я не преследовала. Потому что я правда смогла забыть свои глупые чувства. А то, что полыхнуло, когда он поднес спичку, так это все от напряжения. Год одна. Шутка ли...

Собравшись с силами, я скатилась с постели. Посмотрела на себя в зеркало – не узнала. Разве дикарка в отражении может быть мной? Он сказал – красивая. А я и близко ею не была. Сжалась вся, скукожилась, собирая на неполной единичке обрывки блузки, и пошла прочь. Лифчик я за ненадобностью не носила. Соски саднили.

Осторожно захлопнула за собой дверь. Дошла до половины дорожки, когда вдруг стукнуло – надо было убрать поднос! Если оставить как есть, он точно вспомнит, что было. Я даже сделала несколько шагов в обратном направлении, а потом задалась вопросом – правда ли я хочу, чтобы он не вспомнил, или все-таки нет? Как насчет поговорить, м-м-м? Все между нами выяснить? Я же до сегодняшнего дня не знала, что это «между нами» вообще существует. Но это его «зачем снишься?» здорово сбило с толку!

Ох, Машка. Дурочка ты! Это ж надо было так вляпаться. Он со своей Эммой помирится, и думать о тебе забудет! А ты? Ты сможешь забыть по второму кругу? А, собственно, почему нет? Однажды у меня уже получилось. Получится и теперь. У нас даже нормального секса не было. На этом месте я споткнулась. По-настоящему споткнулась, о дрова, которые бросила, когда услышала вопли. Пришлось включать свет и собирать раскиданные под ногами поленья. О том, чтобы затопить камин, речи уже не шло. Мне и без этого было слишком жарко.

ГЛАВА 3

Уснуть удалось лишь под утро. И так крутилась, и эдак. Накрывалась с головой, будто от проблем прячась, изжарившись, скидывала одеяло, отбрасывала в сторону, зажимала между ног, но и это не приносило мне облегчения.

Проснулась от рева мотора, донесшегося с улицы. Вскочила, путаясь все в том же проклятом одеяле. Едва не упала, подбежала к окну. То, что в спальне, аккуратно смотрело на дорогу. Вовремя – успела увидеть мелькнувший за поворотом зад свекровой Тундры. На часах семь. Он припозднился. Может, потому и спешил, а? Ведь какого-то же черта он притопил так, словно за ним черти гнались? Или...

Я отступила к стене, прислонилась к ней гудящим затылком и, спрятав в ладонях пылающее лицо, потихоньку сползла на пол. Ужас. Кошмар. Стыдоба. Ладно... Все равно ничего уже не изменить. Пропадаю я баба.

С фото на тумбочке смотрел Игорь. Я на ощупь открыла ящик и убрала его портрет. Вины перед покойным мужем я не чувствовала. Он умер, я жива. И даже год по-честному относил траур. А вот у Ивана на этот счет могли быть совершенно другие мысли. Все же отец. Как он со своей совестью будет справляться, на какие идти сделки? И будет ли? Может, сделает меня виноватой? Почему-то я совсем упустила из виду за этим «снишься», что он меня ведьмой называл. И сукой. И говорил, что приворожила. Когда его пальцы и язык были во мне, это добавляло остроты происходящему, и только. Сейчас... делало что-то страшное с моей и без того низкой самооценкой.

К счастью, я вовремя вспомнила о том, что мне тоже надо собираться на работу. Свекровь дом стоял на отшибе деревни. До школы было далековато, поэтому, когда Игорь погиб, Иван Сергеевич настоял, чтобы я оставила себе его машину. Пафосный мерседес. Ездить на нем по деревне было смешно. Но Игорь в свое время выклянчил такую тачку вовсе не для этого. Ему нужно было соответствовать тем мажорам, с которыми он учился в университете... А мне мерседес зачем? Даже по наследству. В итоге сошлись на том, что машину я отдам свекру – тот часто бывал в столице на деловых переговорах, ему автомобиль такого класса была нужней, он же взамен мне купил машинку попроще. А водить меня еще муж научил.

Отгнав непрощенные воспоминания, взглянула на часы и подскочила! Время такое, что мне выходить пора, а я даже душ не приняла, потому что с вечера не смогла себя заставить смыть наши перемешавшиеся на моей коже запахи... Давая себе еще чуточку времени, котрым, если так разобраться, я уже злоупотребила.

В итоге в школу я опоздала на целых десять минут. Хорошо, на дворе век технологий. Детишки не стали устраивать балаган, а чинно сидели каждый в своем телефоне. Пришлось быстренько нагонять материал. На второй большой перемене – педсовет, тоже думать особенно некогда. А там урок за уроком, и еще проверка самостоятельных, листочки с которыми мне совершенно не хотелось тащить домой. Да что там листочки... Мне и самой там как будто не стало места. Теперь уж окончательно. Вот почему я, нарезав два круга по деревне, свернула на трассу, ведущую к ближайшему городку.

Остановилась у заправки. Залила полный бак. На последние деньги купила латте с амаретто. А что? Сегодня обещали аванс. Могу шикануть. Да к тому же всегда можно свекру пожаловаться на безденежье, уж что-что, а об этом он справлялся с завидной регулярностью. Вроде как, а не помираете ли вы с голоду, дражайшая моя невестка? Ужасно неловко. Каждый раз краснела, отнекиваясь. Почему-то мне категорически не хотелось впасть от него в финансовую зависимость. Достаточно было уже того, что он нам с Игорем помогал. Вряд ли тот, работая у отца на подхвате, зарабатывал столько, сколько привык спускать.

Что ж так погано-то? Откинула мелированные волосы на спину. Уставилась в отражение глаз в зеркале заднего вида. Резюмировала, что выгляжу на все свои три десятка. И поделом. Хватит. Нужно что-то делать. Плыть по течению дальше не выйдет – река моей жизни свернула явно не туда.

Часики на руке показывали, что до закрытия банка еще целых полтора часа. Значит, я могла навести справки по ипотеке. Вдруг я попадаю под какую-нибудь программу? Грех этим не воспользоваться. Тем более сейчас, когда вопрос с имеющимся жильем подвис в воздухе. Во-первых, мне и самой там неважко, а во-вторых, Покровский вполне может попросить меня съехать. Чтобы не подвергаться соблазну, ага, если предположить, что все им сказанное в ту ночь было действительно адресовано мне.

Приняли меня быстро. В подробностях все объяснили. Так, что я даже набралась смелости и задала все появившиеся у меня по ходу встречи вопросы, не боясь показаться глупой. Да, низкая самооценка давала о себе знать и в таких ситуациях. К сожалению...

И все было хорошо вроде бы. До тех пор, как мой взгляд, оторвавшись от подсунутых мне листовок, не встретился с тяжелым взглядом Покровского, который глянул сначала на меня, потом на информационную табличку с наименованием отдела (филиал банка здесь был небольшим, и никаких отдельных кабинетов в нем не было) и скривился.

– Ну, тогда жду вашего решения, – как сквозь толщу воды донесся до меня голос сотрудника банка. Этим замечанием он явно давал мне понять, что сидеть здесь и дальше бессмысленно.

– Да-да, конечно, – пробормотала я, суетливо засовывая проспекты в сумку. – До встречи.

– Всего доброго.

Я вымученно улыбнулась и так, с приклеенной к губам улыбкой, двинулась навстречу неизбежному.

– Добрый вечер.

– Привет. А ты... – Иван Сергеевич дернул головой в направлении с любопытством глядящего на нас парня, – чего здесь?

– Консультировалась по кое-какому вопросу. А вы?

– А я мимо проезжал.

Мимо проезжал и остановился, увидев мою машину, – пронеслось в моем мозгу. – А значит, что? Понять бы. Набралась смелости глянуть ему в глаза. Красивые вообще-то, теплого карего оттенка, но сейчас в красных безобразных прожилках, выдающих, что вчера он здорово приложился к бутылке.

Иван Сергеевич молча посторонился. Я поправила на плече ремешок сумки и пошла к выходу.

– Может, поужинаем? Здесь неплохой плов готовят, – указал на кафе, располагающееся на противоположной стороне улицы. – А Тамара Сергеевна еще не оклемалась.

Я могла напомнить про забитый едой холодильник, но побоялась, что он напомнит ему про годовщину смерти Игоря и еще больше усугубит вину. Поэтому внутренне дрожа, я просто пожала плечами.

– Давайте.

Несмотря на работающий в помещении кондиционер, мои щеки пылали. Интересно, он помнил? А если да? А если нет? Взгляд уперся в его распластанную на столе руку. Крупные пальцы. На среднем порез... Коротко постриженные ногти. Хотя он и был владельцем довольно большого аграрного бизнеса, тяжелой физической работы не чурался. И, может, поэтому очень долго выглядел моложе своего возраста. Только в последний год сдал.

– Нам два плова. Салат с овощами и... что попить у вас есть?

– Принести винную карту?

– Компота какого-нибудь принеси, – набылчился свекор. Меня эта вспышка даже повеселила.

– А вы?

– А я латте выпью. С амаретто.

– На ночь? Не уснешь же, – заметил Иван Сергеевич.

– Да на меня кофе не действует, – отмахнулась я, проглотив слова о том, что он сам – гораздо большая причина для бессонницы, чем все энергетики, вместе взятые. Кому нужна такая неудобная правда? – Я отойду помыть руки.

В крохотной уборной еще и умылась. Вышла. И сразу под перекрестный допрос попала.

– Так что там в банке?

– Узнавала по поводу ипотеки. Для учителей есть хорошие программы.

– Хочешь съехать?

Пока меня не было, принесли плов. Я пожала плечами. Ткнула в середину вилкой, выбирая сухофрукты.

– Я не смогу жить у вас вечно.

– Почему? Я тебя... – наши взгляды столкнулись под желтым в восточном стиле абажуром, – вчера как-то обидел? Нажрался я. Ни черта не помню.

Если до этого у меня еще были какие-то сомнения, то теперь их не стало. Все он помнит. Все... А теперь просто врет. То ли струсив, не находя себе оправдания, то ли находя, но все же воздерживаясь от того, чтобы переложить вину на мои хрупкие плечи. И на том, как говорится, спасибо.

– Нет. Не обидели. – Я покрутила в руках салфетку. – Но вот Эмма улетела оскорбленной до глубины души.

Покровский неопределенно скривился. Я снова злобно ткнула вилкой в плов. Быстрей поест и свалить. Что-то я переоценила свои силы. И его... переоценила. Ладно.

– Это хорошо, Маш. Я не хотел обидеть, ты ведь моего сына жена. Дочка мне, считай.

Я закашлялась. С дочкой, он, конечно, перегнул. Учítывая, что мы вытворяли. И я, конечно, с себя вины не снимаю, но Иван Сергеевич, то есть мой гребаный папочка, первым ко мне полез.

– Не надо. Я ведь сказала, что все нормально. Но вы с выпивкой, Иван Сергеевич, все же завязывайте. Игорю бы не понравилось видеть вас таким. И вообще. Вы же за руль садитесь. Ясно, что никто вас тут не остановит, но...

– Да я пьяным никогда... С бодуна да, бывало. Но не пьяный.

– Это хорошо. Я уже одного лихача схоронила. Больше не хочу.

Замолчали. Вроде не сказала ничего такого, а у свекра на скулах выступили желваки.

– Ну и когда ты съехать планируешь?

Во! А вот это, кажется, намек, что лучше бы мне с этим поторопиться. Не простил он ночи. Ни себе. Ни мне. Теперь бы закончить эту историю по-человечески. Чтоб не врагами расстаться. У меня же кроме него и нет никого... Он один остался. Или был всегда... он один.

– Да вот, как только найду что-то подходящее недалеко от школы. А может, и совсем уеду... – добавила вдруг неожиданно мечтательным голосом и будто прозрела – ведь меня и впрямь ничего больше не держит в этом городишке. С таким же успехом я могу купить квартирку где угодно. В провинции так вообще и кредит брать не придется. Правда, и зарплаты там меньше. Это тоже надо учитывать. Зато я могу выбрать абсолютно любой вариант. Хоть в портовом городе, хоть на большой реке, а можно вообще махнуть на какие-нибудь севера, чтобы выморозить эти совершенно больные чувства. Вопрос один – какого черта я об этой возможности не подумала на каникулах. Отпуск большой – могла бы все обтяпать, а теперь посреди учебного года сложнее будет.

– Куда совсем? – просипел Иван Сергеевич.

– А не знаю. Сегодня и погляжу. Прикину варианты.

Он молчал. Я быстро и аккуратно ела, чтобы поскорее закончить эти бессмысленные посиделки.

– Не надо кредит, Маш. Что, я не добавлю? Ты ж моя...

Если бы он еще раз назвал меня дочерью, я бы выблевала. Хорошо, что он, будто это почувствовав, вовремя осекся. Я же отодвинула со скрежетом стул.

– Да там не так много заемных средств понадобится. Я поеду. Дел много. Спасибо за ужин. Еще тетрадки проверять у восьмого класса. Хоть бы к двенадцати теперь закончить.

Выпалив эту чушь, я и убежала. Домой добралась в какой-то горячке. А еще Покровского жизни учила. Я вон, вроде не пьяная ехала, и чуть не раскатала ежа. Домой живой явилась – перекрестилась. Сняла костюм, отнесла в стирку – вытяжка в кафе не справлялась, и я до трусов провонялась харчевней. Заодно приняла душ. И только после всех этих ритуалов устроилась за столом. Никаких тетрадок на проверку у меня не было. А вот с электронным журналом надо было повозиться. Я закончила в полной темноте. Залезла на сайт, и только тут дернуло – что-то не то, а где свет на улице? Запахнув потуже толстый махровый халат, вышла из домика. Походила туда-сюда, чтобы убедиться, что датчики движения не срабатывают. И чуть не обделалась от страха, когда из темноты на меня вышла огромная тень.

– Маш, это я. Предупредить, что подсветка крикнулась. Не пугайся.

– Ладно, – промямлила я. – А когда починят?

– Завтра. Я уже вызвал спецов.

– Ясно. Ну, доброй ночи...

– Да, Маш, сладких снов.

Держась за поручень, я осторожно поднялась на крыльцо и скрылась в доме. Сердце кололось как ненормальное. Отдавало в ушах, пульсировало в горле. Я опустила ладони на круглый накрытый скатертью стол, где только что работала, и застыла, как изваяние. Потому что дверь за спиной открылась. А потом и шаги послышались. И тяжелое, животное совсем дыхание на шее, плавающее мою волю... Но все же взбрыкнуло что-то. Когда на зад его руки легли...

– Ты когда лапаешь, тоже дочкой меня предста...?

Представляешь. Я хотела сказать «представляешь». Он не дал. Заткнул мне широкой ладонью рот, а второй рукой рванул полы халата в стороны.

ГЛАВА 4

– Молчи, пожалуйста, молчи, Мария. Знаю, заслужил. Но молчи...

– Вы опять выпили?

Было все равно, говорю же, я буквально плавилась в его руках, но знать хотелось.

– Нет. А зря. Так бы хоть что-то оправдывало.

Он говорил так, будто это давалось ему через силу. Сипел, булькал, рвал слова. И руками большими мозолистыми скользил по моему телу. Мял соски, как корове вымя перед дойкой – он и это умел, я как-то видела. А мне нравилось. Наверное, я совсем пропащая, да?

– Иван...

– Молчи! Не могу...

Я проглотила, что хотела сказать. Наклонилась над столом ниже, выпятив задницу, потерялась о его стояк и все же со смешком заметила:

– Да вроде очень даже можете.

Дыхание свекра оборвалось со странным шипением. Я испугалась даже, что он уйдет. А еще секунду назад боялась ведь, что останется. Дурдом. Мои чувства так быстро сменяли друг друга... Ненормально. Неправильно. Но будто бы неизбежно.

– Как привороженный. Ненавижу себя за то, что делаю. А отказаться не могу.

– В этом месте я, наверное, должна озвучить какие-то свои оправдания? – сглотнула подступившие слезы.

– Не нужно. Я все и так знаю. Слишком долго без мужика. Истосковалась.

Мы так и разговаривали: я – едва удерживая себя над столом руками, он... шарящий шершавыми чуть подрагивающими ладонями по моей заднице.

– Окно не зашторено.

А тут ведь не до чужих глаз. Хотя, если кто и был в саду – уже все увидел, а остальное додумать было несложно. Но Покровский рванул к окну и дернул шторы с такой силой, что едва их не оборвал. Металлические кольца со страшным скрежетом проехали по штанге, крича о том, что связь со мной – его маленький грязный секрет, и ни на что большее мне определенно не стоит рассчитывать. Ну и черт с ним. Пока было достаточно и того, что он эту связь признал. Тут бы хоть разобраться, что с этим делать.

Ноги дрожали. От стыда или желания бросить ему вызов! В конце концов, пусть найдет в себе смелость и посмотрит в мои глаза. Я даже приподнялась, чтобы обернуться, но он, зайдя за спину, вернул меня в первоначальное положение. Очертил дрожащими пальцами выступающие дуги ребер, тронул губами позвонки. Перебрав по одному так нежно, так мучительно на контрасте нежно с тем, что он делал раньше и говорил, что я тихонько захныкала.

– Сейчас-сейчас, станет легче, – пообещал он. Зашуршала одежда, знакомо звякнула пряжка ремня. Иван дышал все более тяжело и шумно. Одной рукой огладил мою задницу, проник ребром ладони между полумесяцев ягодиц, ныряя глубже. А когда ощутил мою влагу, спросил с надрывом:

– Плохо было, да? Ты ж моя... Сейчас я... Пожалее. Иди ко мне, – толкнулся мощно, заставляя подчиниться отвыкшие от такого мышцы. – Сейчас-сейчас. – Обещания в такт толчкам, звону чашки, ударяющейся о блюдо, моему утробному стону. – Вот так. Ведьма. Что ж ты за ведьма...

Иван так впивался в мою кожу, задавая ритм движения, что синяки мне были обеспечены. Второй рукой он уже знакомым образом ласкал грудь, время от времени перемещая ладонь на шею и чуть придушивая. Трахал, а как будто наказывал нас обоих. Но ведь даже это ничуть не делало происходящее хуже. Скорее напротив – придавало ему незнакомых пикантных ноток.

Соски растирал грубый лен скатерти, а заряженный по максимуму член свекра раздирал меня изнутри... Я завела руку за спину и тоже выпустила ногти в его крепкую задницу. Иван фыркнул, как жеребец, тормознул, будто боль и его удовольствие обостряла. Мои внутренние мышцы рефлекторно дернулись, требуя проложить движение, и он опять, матерясь последними словами, сорвался. Толкаясь так мощно, что мои пятки отрывались от пола. А в животе закручивалась огненная спираль. Ох, как я вопила, когда она принялась со свистом раскручиваться. Стонала, плакала, размазывая по лицу слезы. Придавленная его тушей, и от того еще сильнее задыхающаяся.

– Ох ты ж блядь... Ох ты ж... – шептал Покровский в такт раскаленным залпам выбрасываемой спермы. – Что делаешь со мной, а?

А как только отстрелялся, отшатнулся от меня, как от чумной. В ушах зашумело сильней. Дрожащей рукой нащупала салфетки, обтерлась и в полной уверенности, что мой гость сбежал, обернулась, как есть, расхристанная. И только тут поняла, что Ивану хватило духа остаться. Окаатило запоздалой волной стыда. Я свела на груди полы халата и с силой затянула пояс. Нужно было что-то сказать, но что тут скажешь? Я всю жизнь тебя, Иван Сергеич, люблю? Точней, любила. Потом забыла, правда – заставила себя забыть, а теперь вот опять накатило что-то.

– Может быть, чая?

– Нет. Нам надо поговорить.

– Под чай и поговорим.

Я щёлкнула кнопкой, открыла шкафчик. Траурную заунывную тишину, повисшую в доме, оборвало уютное позвякивание посуды.

– Этого нельзя было допустить. Прости меня. Кажется... Ч-черт. Кажется, я до белой горячки допился.

А чего я ждала? Обещаний вечной любви?

Не поворачиваясь, кивнула, обдала заварник кипятком, вылила. Руки дрожали. Ну, вот какого черта, спрашивается? Какого черта я слушаю этот бред и так безропотно соглашаюсь? Потому что привыкла соглашаться со всем, что бы мне эта жизнь ни подкинула? Как будто надеялась, что за такую покладистость судьба меня когда-нибудь наградит, а оно все никак. Так какой смысл быть хорошей и до тошноты правильной девочкой? Какой смысл молчать, вжимаясь до боли пальцами в столешницу, когда орать от несправедливости хочется?

– Интересно...

– Что?

– Что к вам в горячке вместо белочки пришло желание потрахаться.

Покровский застыл, комично приоткрыв рот. Не привык он как-то, что я вот так приложиться могу. Да, если честно, я и сама в шоке. Просто достало все.

– Прости.

– Да что вы заладили одно и то же? – резко отвернулась, достала вазочку с вареньем, которое сама закатывала, поставила на стол. – Вам самому легче от этих извинений?

– Нет.

– Вот и мне нет. Так что лучше не надо.

– Может, если исповедоваться... В храм сходить, отпустит, как думаешь?

– Вы серьезно?

Нет, я, конечно, знала, что после смерти Игоря Покровский в том числе искал спасения в религии, но это все уже чересчур. Исповедаться?! В смысле покаяться вот в этом?

– Ты не понимаешь. Он же мой сын. А я вон че наделал.

– Че? – копируя интонации свекра, не без издевки переспросила я.

– Хочешь, чтобы я это озвучил? – Иван Сергеевич мазнул по мне злым взглядом и уткнулся им в пол. – Нельзя было нам оставаться бок о бок. Ну ладно я, дурак старый, черт дернул, а ты?

Вот мы и подобрались к главному.

– А я, вы все верно заметили – по мужику соскучилась. Но вы не переживайте, Иван Сергеевич, я съеду через пару недель. Впрочем, если вам принципиально, могу и завтра.

– А? Нет. Да ты что?! Я же не гоню тебя. Я... просто не знаю. На душе камень. Прости, а? Как животное тебя... я...

– Ой, да хватит уже! Не случилось ничего, чего бы я сама не хотела, – не посчитала нужным искать себе оправдания. Покровский вскинулся. Уставился на меня как бык на тореадора. В глазах мелькнуло безумие. От которого он избавился, что есть сил тряхнув головой.

– И что... – свекор откашлялся. – Что ты думаешь с этим делать?

– Если вам так невыносимо меня видеть, можно постараться свести наши встречи к минимуму.

Собственно, именно так мы и жили, до того как он нагнул меня в первый раз. Раньше это казалось естественным. Ну, мало ли. Два крайне занятых человека. А теперь почему-то подумалось, что, возможно, мы вполне осознанно избегали друг друга. Как будто подсознательно и боясь чего-то подобного.

Прикрываю глаза, воспроизводя в уме дни нашей с Игорем жизни. Замечала ли я интерес со стороны свекра, когда мой муж, и его сын по совместительству, был жив? Нет. Вроде бы. Но ведь мы и тогда не так уж часто виделись с Покровским старшим.

– А я постараюсь съехать как можно быстрее.

– Хорошо, ты только скажи, когда найдешь что-то подходящее. Я добавлю недостающую сумму в качестве...

– М-м-м?

– ...извинения за сегодня.

Серьезно? Нет, он, мать его, серьезно?! Просто какой-то кошмар.

– Вы меня с кем-то спутали, Иван Сергеевич.

– Я? Спутал? С кем? – искренне не понял тот.

– Не знаю. Может быть, с одной из своих пассий. А мне ваши деньги не нужны. Извините, уже поздно, мне завтра рано вставать...

Я прошла мимо свекра и широко распахнула дверь у него перед носом. Намек был более чем прозрачным, и он, конечно же, не преминул им воспользоваться. Трус! Какой же трус... Шел, и мне чудилось, что под подошвами его тяжелых ботинок, которые он даже не потрудился снять, когда мы трахались, с хрустом ломаются воздушные замки, которые я понастроила.

– Я же от чистого сердца, Маш... Ты мне...

– Уйди ради бога!

Дверь за свекром закрылась с тихим хлопком, но я все равно вздрогнула. Осела на стул – из меня будто воздух выкачали. Растерянно провела по лицу ладонями. Дура, чего я вообще решила, что у нас может как-то срастись?

Допив остывший чай, легла спать. К удивлению, уснуть удалось довольно быстро, видно, сказывались усталость и бессонница накануне. Проснулась по будильнику, выпила кофе, собралась и рванула в школу, чтобы опять не опоздать. В итоге приехала раньше на полчаса. До начала первого урока успела просмотреть новые предложения о продаже. Вчера кто-то выставил дом и однокомнатную квартиру в поселке в десяти километрах от нашей деревни. Рука дернулась написать, но ведь, помнится, я хотела рассмотреть и другие варианты. А если учесть, что с тех пор у меня появилось гораздо больше причин для побега, то спешить с этими предложениями совершенно точно не стоило.

Я прикрыла глаза, представляя, какой может стать моя жизнь... Ну, ведь и правда, ничего больше меня здесь, кроме могил, не держит. Могил родителей, бабули и деда, пращуров, о которых я знаю лишь по рассказам родни. А теперь еще и мужа, да... Интересно все же, почему у меня так поздно возникла идея уехать. Проанализировав вводные, пришла к выводу, что все дело в воспитании. Бабуля как говорила? Где родился – там и пригодился. Вот, следуя этой нехитрой логике, наши предки и жили здесь испокон веков. И несмотря на то, что столица с ее возможностями была, считай, под боком, даже мысли ни у кого не возникло, что можно в нее податься в поисках лучшей жизни.

Так что я, считай, отступница.

– Мария Ивановна!

– Да?

– Вас к директору на ковер зовут. Вы что, вообще рабочий чат не читаете?

– Бегу!

Интересно, зачем я понадобилась? Нареканий на мою работу вроде бы не было, а журнал я заполнила, несмотря на то, что система чудовищно зависала весь вечер.

– Вызывали, Николай Степанович?

– Да, Мария Ивановна. Проходите.

Ух ты ж! С каких пор я из Машеньки превратилась в Марию Ивановну? Раньше Шевцов меня звал по имени-отчеству лишь прилюдно. И даже тогда его голос был переполнен иронией, дескать, вырасти, ты, Машуня, выросла, и даже окончила институт, но я же помню тебя еще беззубой глупенькой первоклашкой, так что какая ты, блин, Ивановна? А тут очень официально.

– Да? Что-то случилось?

– Я бы сказал, что случилось ЧП. Пойми меня правильно, в нашей школе никогда за все время ее работы такого не было, поэтому...

– Говорите как есть, Николай Степанович.

– Тут показывать надо.

Шевцов ткнул рукой в компьютер, щелкнул мышкой, выводя на экран отвратительного качества видео, на котором, впрочем, я сумела-таки различить наши с Покровским лица. Кровь со страшным шумом в ушах отлила от головы. Как вода в прочищенную от засора трубу.

Нет, ничего пикантного на том видео не было, мы же секундой спустя задернули шторы, но...

– Вы же понимаете, как это выглядит.

– Да.

– А вы, Машенька, педагог. Пример для неокрепших умов. Нельзя это вот так оставить, вы же понимаете? Если видео распространится...

Страхнув с себя оцепенение, я кивнула:

– Конечно. – Оправдываться я не считала нужным, поэтому просто еще раз кивнула: – Я все понимаю, Николай Степанович.

Села, предварительно вытащив лист из принтера, и под почему-то удивленным взглядом директора быстро набросала заявление на увольнение.

ГЛАВА 5

– Нет-нет, что ты? Зачем же так спешить, Марь Ванна? Посреди четверти. Увольнение? Где я тебе физичку возьму?

Увещевания директора я, конечно, слышала, но душный стыд, который меня нагнал, не давал осознать их смысла. Рука с зажатой в ней простой пластмассовой ручкой на пружинке дрожала, строчки выходили кривыми, а щеки по цвету наверняка сравнялись с яблоками популярного сорта «макинтош», которые в этом году здорово уродили в саду у Шевцова, а теперь лежали в вазе на подоконнике.

– Все нормально, Николай Степанович. Сколько там положено? Две недели? Я их обязательно отработаю. Всего доброго. И... спасибо.

Я выскочила за дверь, хотя видела, что Шевцов явно хочет еще что-то добавить к сказанному.

Однажды я прочитала у одного известного психолога, что человек проживает не ту жизнь, к которой готовился. Не ту, о которой мечтал. Не ту, которой достоин, а ту, на которую он решился. И знаете, я тоже так думаю. В конце концов, я действительно решилась, бросилась в омут с головой, и в том месте, где заканчивался стыд, я даже собой гордилась. Но на этом все. От моей решимости ничего не осталось. Отстаивать себя дальше? Доказывать что-то? Цепляться за это место? Зачем? Если все мои прошлые заслуги перечеркиваются вот таким видео? Я же не сделала ничего такого на самом деле. Просто хотела счастья.

Последний урок вела как в тумане. Зато потом не пришлось оттягивать возвращение домой. Слишком много дел образовалось – к поискам жилья добавились еще и поиски работы. Если, конечно, после этого видео мне вообще найдется место в системе образования. А если нет? Я в ужасе уставилась на собственное резюме, которое начала составлять по найденной в интернете методичке. До этого дня в нем просто не было необходимости. В нашу школу я пришла сразу после института, и там у меня, как вы понимаете, никакого резюме не требовали. Другое дело теперь...

Если бы не стук в дверь, меня наверняка бы накрыло волной панической атаки, а так пришлось брать себя в руки и идти открывать. Уже у цели сердце екнуло. А если там он? Засов едва поддался моим дрожащим пальцам.

– Тамара Сергеевна? Люб? Что-то случилось? – спросила я, переводя тревожный взгляд с домработницы свекра на свою коллегу – учительницу биологии. И та, и другая порой ко мне заходили – ничего необычного в их визите не было, кроме того, что они нагрянули вместе. Неужели и до них дошло то злосчастное видео? Я так расстроилась, что даже не поинтересовалось, откуда оно у директора. Решила, с какого-то перепугу, что его прислали Шевцову. Ну, знаете, как в каком-нибудь идиотском фильме? А ведь гораздо разумнее было предположить, что это самое видео просто кто-то слил в сеть. И может, оно даже висит в нашем деревенском чате. Есть у нас и такой, представляете, до чего дошла цивилизация?

Под ложечкой засосало. Ноги и руки стали буквально ватными. Я мысленно еще раз прокрутила «кино» с собой и свекром в главных ролях. Собственно, никакого непотребства на том видео не было. И предъявить мне можно было лишь то, что Покровский за моей спиной стоял слишком близко. Ну и... ладно, наши перекошенные похотью рожи, которые при определенном желании можно было списать... ну, не знаю. На боль в пояснице. Ведь прихвати она у меня, кто бы еще мне пришел на помощь? Кроме Ивана Сергеевича, у меня никого и нет. А Покровский (сам же говорил!) мне как отец родной. Тьфу ты, мерзость какая!

– Это я у тебя должна спросить, – округлила щедро подведенные глаза Люба, оттесняя меня вглубь дома. Учитывая нашу разницу в весовых категориях, сделать ей это труда не соста-

вило. – Я к нашему Степанычу зашла, а там твое заявление. Ты чего это, Марь Ванна, за демарш устроила посреди года?

– Да, Маш, ты чего это? – присоединилась к Любе Тамара Сергеевна.

Пока я судорожно соображала, означает ли это, что никто кроме нас с Шевцовым то злосчастное видео все же пока не видел, Любана выудила из огромной бездонной как будто сумки бутылку грузинского вина.

– Подумала, под разговор пригодится, – пояснила она. – Где фужеры?

– Да мне как бы не до этого совсем. Я...

– Что? – подбоченилась Тамара Сергеевна. Хоть формально она и числилась домработницей при доме Покровского, отношения у них были совсем не как у начальника и подчиненной. Тут еще надо было выяснить, кто и кем руководил. Томочка не только дом держала в ежовых рукавицах, но и Покровских. И только в последний год даже она не справлялась.

– Я планировала заняться поисками жилья. И работы.

– А чем тебе тут не живется? – удивилась Люба, без спроса доставая бокалы из буфета.

– Тут же все свои, а? Да и привыкла уже – тоже дело большое.

– Ну, к чему я привыкла, Люб? К отсутствию перспектив? – огрызнулась я для порядка, потому что не хватило мозгов сходу придумать хоть какое-нибудь стоящее оправдание для своего поспешного бегства. А ведь оправдание было ой как нужно – знающие меня люди ни за что бы не поверили, что я смогу бросить все вот так, с бухты-барахты. И тут было бы даже лучше, если бы всплыло то проклятое видео. Это избавило бы меня от необходимости врать. В конце концов, я ведь планировала отъезд, что мне сплетни? А Покровскому, как и любому мужику, все бы и так сошло с рук.

Мысленно сделав себе пометку не забыть, когда помру, пожаловаться на эту вселенскую несправедливость в небесную канцелярию, я вяло махнула рукой в сторону стола.

– Располагайтесь.

– А я и не знала, Мария, что ты у нас такая эгоистка.

– Кто – я? – ошалело уставилась на Тамару Сергеевну.

– Ну не я же.

– Интересное дело. И почему же вы пришли к такому выводу?

Я достала из холодильника нехитрую закуску: колбасу, сыр, пододвинула миску с яблоками, которыми меня по-свойски угостил Степаныч еще какую-то неделю назад. Угостил, да, а сегодня включил это мерзкое видео. Как бы намекая, что мои моральные качества сильно не дотягивают до высокой нравственной планки, предъявляемой к учителям. И этот человек знал меня с детства! С первого, блин, класса. От того, что зная меня, он так легко был готов меня слить, было тошно – хоть вой. Как будто сам святой! Как будто не вся деревня видела, как он от жены убежал, когда та его с соседкой застукала. Тоже мне моралист нашелся!

– Ну а как тебя еще назвать? Жила себе у Ивана Сергеича под крылышком и бед не знала. А как Ивану Сергеевичу помощь понадобилась, так ты решила помахать ручкой?

– Да какая помощь? О чем вы, Сергеевна?

– А то ты не видишь, что Ванька не просыхает.

– И? Что вы мне предлагаете? Его выжать?

Оценив шутку, Любка загоготала.

– Выжать. Ой, я не могу. А ведь и правда, Сергеевна? Ну, хочет мужик бухать, как ему помешать?

– Отвлечь! Да мало ли способов. Такой мужик пропадает!

Не планируя пить, я все же приложила к бокалу. Показалось? Или Томочка намекнула на что-то эдакое? Ну нет. Какого фига? Это же грешно. Противоестественно даже. А это она, между прочим, затянула Покровского в церковь, когда он совсем скис.

– Да разве я не пыталась! И вы... И эти его Эммы. Только все впустую.

Сергеевна цокнула языком:

– Как будто Ванькиным бабам нужны его проблемы!

– Так, может, путь он найдет нормальную бабу? Я-то тут при чем? Нет, я, конечно, пыталась. По-родственному. Но он же ни в какую! Как еще мне его убедить не лезть в бутылку? Какими словами? Год стучу во все колокола, все без толку. Думайте, что хотите, а я решила двигаться дальше.

– Куда?! Ну, куда двигаться, Машка?

– Вперед! – пожала плечами я. – Как и все умные люди.

– Умные люди идут не вперед, а куда им надо. А ты, девочка, просто не разбирая дороги бежишь!

В темных глазах Сергеевны мелькнуло то самое понимание. О-ох! Не может быть, чтобы я себя выдала. Я же до дня поминок вообще ничего такого! А после них мы видимся в первый раз. Интересно, как Томочкино давление?

– Ой, а может, и правильно, – подперла кулаком щеку Люба. – Ну их, этих мужиков! Тоже мне. Игорек твой разве не по пьянке разбился? Может, у них это семейное, как и кобелизм.

– Ты, Любав, не о том что-то вещаешь, – пробормотала Сергеевна.

– Чего это? Как будто Машка не знает, что Игорек от ссыкушки Марьяновых ехал...

– Вообще-то нет, – прошептала я.

– А?

– Говорю, я не знала.

– Да ладно. Не знала, что он с этой малолеткой таскался?

– Люба! О мертвых плохо говорить нельзя. Прекрати, – возмутилась Тамара Сергеевна.

– Почему же? При жизни никто не сказал, так хоть после смерти узнаю правду.

Я зачем-то переставила местами сахарницу и солонку. Схватила за ножку бокал, отпила. Вот это посидели – так посидели! Ничего себе. Интересно, а Покровский был в курсе, что его сын от меня гулял? Не удивлюсь, что он меня не попер из дома, лишь бы вину загладить. Он всегда за всех отдувался. Такой уж человек. Ответственный. Совестьливый. Мой свекор,

Как мерзко... И почему-то не больно совсем. Словно подсознательно я была к чему-то такому готова.

– Равнять Игоря с отцом в любом случае не имеет смысла, – заявила Сергеевна, отводя глаза.

– И почему же? – заинтересовалась Люба.

– Они разные совершенно. Игорек был хорошим парнем, но больно ветреным. Иван очень хорошо понимал, что упустил его. Оттого и вина его сильная. А тут еще... – Сергеевна опять зыркнула на меня. – В общем... Пропадает мужик. Спасать надо.

– Никто его не спасет, пока он сам того не захочет, – тихо заметила я.

– Ага! Оправдывай себя. Беги.

– Сергеевна! Я не понимаю, чего вы от меня хотите?

– А ты подумай! Умная же баба. Институт окончила!

Томочка вскочила с психом и подалась к выходу, громко стуча пятками. Мы с Любкой недоуменно переглянулись.

– Чой-то на нее нашло?

– Не знаю. Покровский ей как сын. А я, наверное, что-то не так сделала в ее понимании.

– Ой, ну и скатертью дорога! Ты никому ничего не должна. Запомни, Машка. – Люба потянулась ко мне бокалом, ударила о край моего.

– Запомню, – пообещала я.

Мы выпили до дна, я вспомнила, что у меня была припрятана бутылка шампанского, которую мне презентовали ученики еще, кажется, к прошлому новому году. Достала. Почему

бы и не напиться, раз в кои веки под разговор пошла масть? Тем более с репутацией хорошей девочки уже вроде и так покончено, можно ни в чем себе не отказывать.

Слово за слово, разговор как-то перекинулся на животных.

– В нашем мире хорошо живет только самкам гиен! А все почему, Марь Ванна, знаешь?

– Нет, – шмыгнула носом, – жги.

– Ну, хоть что у них матриархат, ты в курсе?

– Ага. Кажется, что-то такое припоминаю.

– А почему так повелось? Сча я тебе расскажу – обалдеешь, – разошлась Люба, подтягиваясь ко мне по столу на локтях. – Все дело в гиеновом клиторе.

– Чего?

– Мало того, что он у этих тварей вырастает порядка пятнадцати сантиметров, так они еще могут втянуть его внутрь. Прикинь?

– А зачем? – поперхнулась я остатками шипучки.

– Чтоб самим распоряжаться своей вагиной! Угадай, почему самцы не вступают в борьбу за лидерство в стае?

– Чтобы никто ему не мешал до этой самой вагины добраться?

– Все так просто, да?! – хлопнула в ладоши Люба. – И знаешь что? Я считаю, нам стоит взять на вооружение такую стратегию.

– Писечный матриархат? А что, мне нравится. Только не получится ничего, Люб.

– Это еще почему?

– Ну, вот я, допустим, перекрою доступ к своей вагине, а что сделают остальные... хм... самки? Типа свекровых Эммочек?

– А они тут при чем?

– Да при том, что всегда найдется какая-нибудь...

– Сука!

– Вот именно, заметь, это научный термин! Которая с радостью... хм... ну ты поняла.

– И чой-то получается, а, Марь Ванна? Мы сами дуры?

– Получается так.

На этой грустной ноте у Любки зазвонил телефон, и она засобиралась домой. А я, выпроводив ее за порог, завалилась в кровать, наплевав на все планы, и снилось мне, что в дверь кто-то стучал.

ГЛАВА 6

В дверь в доме директора школы загремели, едва он сам вернулся из сада, где весь вечер сгребал с земли опавшие листья. Чтобы когда первый мороз ударит, и осыплется все подчистую, было меньше мороки. Сам-то он считал это дурной работой, но директорская жена вот уже неделю зудела – собери да собери. В конце концов, надоело! Сделал. Теперь вот спину простреливало. Гадство.

– Кого там принесло? – удивилась Варвара, с подозрением глядя на мужа.

– Почем мне знать?

Шевцов двинулся к двери, но жена не по возрасту шустро опередила его на повороте. И пошла открывать сама. Сорок лет они женаты, а эта малохолдная все не упускала случая подловить мужа на горячем. Николай Степанович сплюнул. Бояться ему было нечего. Зазноба его нынешняя еще неделю назад умотала к дочке в столицу. Так что...

– О, Тома, а ты чего это на ночь глядя? – донесся от двери удивленный голос Варвары. Шевцов, занервничав, обернулся на звук. Только экономки Покровского ему и не хватало для полного счастья. И так ведь хрен уснет – таких они дел наворотили.

– Разговор есть! Где Николай твой?

– Да в комнате, где ж еще? Кормить его собиралась.

– Что это вы жрете на ночь глядя? – хмыкнула Томка, проходя на кухню и окидывая подозрительным взглядом сковороду с жареной картошечкой.

– Работал он... А ты чего такая злющая?

– Да, Том, чего? – поддакнул жене Николай Степанович.

– Вот скажи, Коль, я на кой тебе, козлу старому, видео со своим шефом прислала?

Шевцов взбледнул. Он с утра уже сто раз пожалел, что вообще в эту авантюру ввязался, но Томка была такой убедительной! Вот не надо было. Как чувствовал, что ничем хорошим это все не закончится. Где ему теперь искать физичку прикажете? Да и вообще! На Машку-то смотреть было страшно. Все равно, что ребенка обидел. Девка ж не знала, что он из лучших побуждений это все... Тьфу!

– Так Марии показать. Чтоб испугалась наша девочка и...

– И?! – Томка подперла кулаками бока и грозно сощурилась.

– ...и пошла к свекру своему на поклон. За защитой.

– Так какого же хрена она не пошла, а, Коля?!

– Ну, мне-то откуда знать? Видать, что-то не так ты про них поняла, Сергеевна.

– Я?! Не так? Нет, я, конечно, старая, но не слепая! Ванька-то по сыновьей вдове с ума сходит – факт. И сиротка наша к нему как росточек к солнцу тянется.

– Ну, так совет им да любовь!

– Нет, ты погляди на него! Ничего не понимает! Еще ученый!

– А что не так? – возмутился Шевцов.

– Что-что? Совесть его гложет, вот что! Не может он так... Думает, грешно это.

– Ну, так, может, и грешно, Том, я тут не разбираюсь, – замялся школьный директор.

– Да пусть он лучше с Машкой сожительствует, чем пьет и этих всех... своих... домой водит. В этом и был наш план!

– Да? – проблеял неуверенно Шевцов.

– Имен-но. Машка должна была побежать к Ивану, пожалиться на то, что из-за него ее репутация пострадала, а тот что?

– Что?

– Как честный человек, он был бы обязан на ней жениться! – хлопнула по ляжкам Тамара.
– Но вместо этого Машка собирает чемодан!

– Ну, так это потому, что твой план был шит белыми нитками, – забормотал Николай Степанович.

– А вот и нет. Ванька – мужик правильный. Что ж ты таких очевидных истин не понимаешь?! Он Машку хочет? Хочет. Но совесть не даст ему быть счастливым с жинкой сына. Другое дело, когда вроде как он ее от позора спасает.

– А в чем разница? – почесал лысину заслуженный педагог.

– В чистой совести! Что ж ты такой тупой?!

– Том, ну ты это... Не перегибай, – вступилась за Шевцова жена.

– Вот именно. Я сделал все, как ты велела. Вызвал Машку. Кино показал. А то, что она удочки решила смотать – так это ее дело. Вот скажи, Том, где мне теперь физичку искать? Не было беды!

– Да погоди ты! Физичку... Тоже мне проблема. Тут у людей, может, судьбы рушатся, а ты заладил. – Тамара Сергеевна обхватила голову руками. – Нет, это так оставлять нельзя. Наверняка еще можно что-то придумать.

– Например?

– Не знаю. Как-то Машку остановить. Иначе пропадет Ванька. Как пить дать пропадет. Один останется и сгинет.

– Знаешь ли, ты тоже не преувеличивай, – вставила свои пять копеек Варвара. – Прямаи один. Да он кобель, что ни день, так новая баба.

– А толку от них?! Ваньке бы хорошую девочку. Чтобы в узде его держала, пироги пекла, детишек нарожала. Чтоб у него смысл жить появился, вы разве не понимаете?! А эти столичные... Их только пользоваться и можно.

– С Машкой нашей он тоже не в карты играл, – крикнул Шевцов, но напоровшись на злющий взгляд Тома, осекся. – Что смотришь? Я ж это все не придумал. Сама видела.

– Не придумал... У тебя вообще с фантазией туго! Это ж надо было! Она ему заявление, а он и съел.

– А что я мог сделать?! Машка даже слушать меня не стала. Губешки дрожащие поджала и ходу. Тьфу! Кошмар, не пойму, как ты вообще упростила меня в это ввязаться.

– Не помню, чтоб тебя пришлось упрашивать, старый интриган.

– Да прекратите вы ругаться, – возмутилась Варвара.

– Твоя правда. Только время зря теряем, которого и так нет. Надо думать, да побыстрей, как Машкин отъезд расстроить.

– Она выглядела очень решительно. Не сработал твой план, Тамара.

– Ты точно все, как мы договаривались, сделал?

– Да зачем мне тебе врать? Все, как ты сказала, – заверил Шевцов, с тоской поглядывая на остывающую сковороду.

– Нельзя допустить, чтобы это так закончилось, – повторила Сергеевна. – Раз уж мы в это ввязались, так надо довести дело до ума.

В этот момент в дверь заколотили.

– Какой-то проходной двор, – возмутился Николай Степанович, тяжело выбираясь из-за стола. Женщины переглянулись, вслушиваясь в доносящиеся из коридора голоса.

– Отец Алексей никак? – всполошилась Тамара Сергеевна, а уже пару секунд спустя получила шанс удостовериться в своем предположении, потому как из дверного проема показалась высокая фигура деревенского батюшки. Женщина вскочила, схватила руку святого отца, приложила и... разрыдалась.

– Ты чего это, сестра? Горе какое случилось?

– Нет, пока, отец Алексей. Но непременно случится.

И выложила ему все подчистую, все равно что на исповеди, едва тот поднял ее с колен. Хозяева дома лишь переглянуться успели. Шевцов промокнул вспотевший лоб салфеткой,

испугавшись, что его сейчас застыдят, как он обычно стыдил школьных забияк. Дожился! Это Томка в церковь как к себе домой каждый день шастает, а он-то от этого далек. Нет, надо было ей еще и отца Алексея в эту ситуацию впутать! Стыдоба какая...

– ...вот и что мне делать?! – закончила, громко высморкавшись. – Пропадут ведь!

– Тебе, сестра, челом поклоны бить, по сто штук каждый день до конца поста. А так – Господь управит. В остальном же... – отец Алексей хитро оглядел присутствующих и провел по усам ладонью. – План твой, сестра, неплох. На чем, говоришь, он застопорился?

– Машка к Ивану жалиться не пошла!

– Значит, Иван не в курсе происходящего? В этом загвоздка? Так расскажите. Степаныч? Ты ж можешь, мол, так и так, Иван Сергеевич. Вот такая неприятная история вышла с моей учительницей и вашей невесткой. Что будем делать?

Тамара Сергеевна икнула. Перевела взгляд со святого отца на школьного директора, удивляясь тому, что сама до этого не додумалась. А ведь нетрудно было.

– Точно, Степаныч. Именно так и сделаем. Прямо сейчас...

– Да ты что, Тамар, ночь на дворе считай. Давай уж утра дождемся. А там, как ты мне прикажешь? В офис к нему прийти? Черте что получается! – выпалил Шевцов, но осознав, что при батюшке, наверное, не лучшая идея – поминать вслух рогатых, исправился: – Извините, отец Алексей. Вырвалось.

Тот отмахнулся только.

Посидели еще, покумекали. Да так ничего и не решив, разошлись, сойдясь на том, что утро вечера мудренее. А потом и решать ничего не пришлось. Потому что на следующий день Покровский приехал в церковь. Только развиднелось... Вышел отец Алексей из своего домика и увидел его на скамье, что была повернута к старой отреставрированной не так давно колокольне.

Пригладил усы отец Алексей и двинулся к раннему гостю. Тот слышал его шаги. Повернул голову в профиль.

– Утро доброе, Иван. Чего случилось?

Покровский мотнул головой. Упрямо уставился перед собой.

– Ничего. С чем бы я не мог справиться.

– Люди в такую рань сюда просто так не заглядывают, – усмехнулся отец Алексей. – Уж не связан ли твой приход с тем, что в деревне болтают?

Жесткие плечи Покровского одеревенели. И снова он скосил взгляд на святого отца. Свел иссиня-чёрные брови. Говаривали, что у них в роду один цыган наследил. Может, и не врал. Было в нем что-то цыганское.

– Ты про что, отец Алексей?

– Говорят, Машеньку вашу попросили заявление на увольнение написать. Пока по статье не пришлось.

– По какой еще статье?

– За непотребное поведение, – бросил батюшка, ногой разгребая нападавшую за ночь листву. – Ты, значит, не в курсе?

– Не в курсе чего? – занервничал Покровский.

– Видео Шевцову прислали. Где Маша якобы с тобой, Иван, милуется. Наверное, фотоплощ. Или как эти все современные штуки зовутся? Я не очень разбираюсь.

Иван моргнул. Стиснул руки в пудовые кулаки.

– Видео, значит?

– Оно. Ага. Нет, понятно, что кто-то подделал. Но разве нашим докажешь? Сам знаешь, как в деревне дела обстоят со слухами. Бедная девочка.

– Дурдом какой-то. В первый раз слышу.

– Так ты не поэтому пришел? – деланно изумился батюшка.

– А? Нет. Нет, конечно. Я понятия не имел...

Покровский поднялся. Пикнул сигналкой, запуская двигатель.

– Уже уходишь? А чего приходил-то?!

– Все потом, отец Алексей. Сейчас что-то делать надо.

– Да что тут сделаешь? Если это видео и дальше будет распространяться, Марии несладко придется. Может, и правильно, что она уезжает.

Шагающий по дорожке Покровский, резко остановился. Оглянулся нервно. Сглотнул. Так что кадык прокатился под дубленой темной-претемной кожей.

– Что значит – уезжает?

– Ну, а что ей здесь делать? Ни работы, ни жилья. Да и жизни ей не дадут, мне ли тебе рассказывать, какие люди жестокие.

– Я что-нибудь придумаю. Что-то же наверняка можно придумать. Где это видео можно глянуть?

– Пока только у Шевцова.

– Леш... – отбросил церемонии Иван. – Там насколько все плохо?

На Покровском лица не было.

– Господь с тобой, Вань. Я ж не смотрел, сам понимаешь...

– Ладно.

– А может, это и не фотошоп вовсе? – удерживая взгляд Ивана, строго поинтересовался святой отец.

– Может... – просипел тот.

– И что? Ты вот так все оставишь?

– Я не знаю, – Иван опять опустился на скамейку, зарываясь в густые волосы пальцами.

– Прикажешь ей одной, что наворотил, расхлебывать?!

– А что я могу сделать?

– Есть один верный способ защитить ее доброе имя.

– Ты с ума сошел? Она жена Игоря!

Отец Алексей вытянул перед собой ноги. Постучал носами стоптанных ботинок, вообще не спеша с ответом, ведь говоря по правде, тот и так висел в воздухе. Жена, не жена, а это никак не помешало Ивану запудрить мозги бедной девочке. И по-хорошему, да. Он обязан был поступить по отношению к ней как честный человек. Другое дело, что Иван не мог. Для него это было совсем уж за гранью.

– Игорь давно в лучшем мире. А ты, Вань, живой. Да и не венчаны они были.

– Что это меняет? – вспыхнул Покровский. – Достаточно того, что я... Что он... А, черт! Я пойду...

– К Маше?

– И к ней тоже. Если она действительно решила уехать, надо бы помочь.

На языке святого отца крутилось «дурак». Но, конечно, он не мог сказать ничего такого. И потому, шаря в листе ногами, отец Алексей мог только наблюдать за сгорбившимся мужиком, который сейчас, похоже, делал серьезную ошибку. Впрочем, небу видней. Он сделал все что мог. Они все сделали, да... Это ж надо! Иванова экономка даже видео записала. Шпионка, блин. Все же не зря он в деревню приехал жить, здешний народ такой, что с ним не соскучишься. Невесело посмеиваясь, батюшка встал и, шаркая ногами, скрылся в притворе.

ГЛАВА 7

Мишка Воеводин врезался в меня, когда я почти дошла до директорского кабинета. Роста в Мишке – хорошо если метр, веса – тоже кот наплакал. Но за последние дни я так измучилась, что меня могло сбить с ног и дуновение ветра. Покачнулась.

– Ой, Марьянна простите!

В последний момент ухватившись за ручку двери, только чудом удержалась на ногах.

– Ничего, Миш. Ты сам-то не ушибся?

– Не-а, – деловито сообщил мальчонка.

– Вот и славно. Ты же помнишь, да, что по коридорам бегать нельзя? Как раз во избежание таких случаев.

– Я больше не буду, – поклялся Воеводин, развернулся на сто восемьдесят и помчал вперед так, что только пятки сверкали. Хороший мальчишка. Шустрый, веселый. Какими и должны быть дети. Интересно, как я без них? Посреди учебного года не так-то просто найти место по специальности. Все мои поиски пока – мимо. А тут, на старом месте, оставалось каких-то два дня.

– Машенька? Заходи-заходи. Ты чего здесь встала?

Чудны, Господи, дела твои. Я опять Машенька? Радоваться бы, но не получается. Все не могу отделаться от мысли, что меня предали. Впрочем, разве это главное мое несчастье? Я же вторую неделю как на вулкане. Вижу кого – шарахаюсь. Просыпаюсь, открываю деревенский чат и, если в нем много сообщений, стыну. Так и жду, что кто-то выложит то мерзкое видео, где мы со свекром. Глаз сомкнуть не могу. А когда все же удастся уснуть, просыпаюсь в шоке от другого... Мне Иван Сергеевич снится. Выходит, врут, когда говорят, дескать, с глаз долой – из сердца вон. Мы с ним и не виделись больше. Уж не знаю, кто кого больше избегал. Я его. Или он меня. Один только раз столкнулись в саду. Он что-то там мастерил. Увидев меня, застыл весь, подобрался.

– Добрый вечер, – пискнула я.

– Добрый.

Говорить нам с ним больше было не о чем. Вот почему я развернулась и хотела даже уйти. Но он меня окликнул.

– Маш...

– Да?

– Ты нашла квартиру? Мое предложение в силе, я добавлю. Ты какие-нибудь достойные варианты смотри, лады? Или, хочешь, я тебя со знакомым риэлтором состыкую. Правда, он больше по коммерческой недвижке, но...

– Не надо. У меня есть и риэлтор, и все необходимое.

Наши взгляды встретились. Покровский кивнул. И отбросил от себя ветку. Сад он, что ли, чистил?

– Ну, смотри сама. Если что – я рядом. Ты всегда можешь на меня положиться.

Это я уже сто раз слышала. Но почему-то, кивнув, все равно на секунду замешкалась, будто давая ему шанс еще чего-нибудь добавить к сказанному. Ветер трепал беззащитные почти полностью голые ветки, сумерки сгущались, в воздухе густел аромат дыма, сырой земли и его парфюма. Именно тогда мне впервые подумалось, что неплохо бы мне и ему рассказать о злосчастном видео. Потому как оно касалось Покровского напрямую. Но это было так мучительно стыдно, что я не смогла. Отвернулась. Оборвала с куста несколько ягод калины, растерла между пальцев, пуская горький сок, и, пробормотав нелепое «спокойной ночи», ни разу не вдохнув полной грудью – все надеялась, что он за мной увяжется, пошла к себе.

Но он даже не окликнул. «Видать, справился с моими ведьмовскими чарами», – подумала я и истерично хохотнула. А потом расплакалась. Уезжать с насиженного места, с места, где я родилась и выросла, где в могилах лежало несколько поколений моих предков, было ужасно страшно. Да и как без Ивана я буду? Не имея возможности даже тайком на него взглянуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.